

О приёмных экзаменах в семинариях

Мы снова накануне «приёмных экзаменов» воспитанников духовных училищ; снова наступает для несчастных воспитанников пятиминутная оценка в семинарии пятилетнего тяжёлого труда их в училище, труда в поте лица, вдали от родной семьи, — с волнениями, тревогами и невзгодами, со всеми случайностями несладкой школьной жизни. Экзамены эти порождают в воспитанниках панический страх, в родителях их тяжёлую тревогу за судьбу своих детей, недоверие к деятелям училища, раздражение и озлобление против них и наставников семинарии, иногда же прямую открытую войну против тех и других на своих съездах. Наставникам училища тяжело сносить те нравственные заушения, какие им нередко приходится принимать со всех сторон; стремление во что бы то ни стало выйти из этого крайне неловкого, убивающего всякую энергию ненормального положения, короче, сложить училищные доспехи и бежать в наставники семинарии или куда глаза глядят... Лучшие и благоразумные люди из наставников семинарии сознают всю нецелесообразность этой меры, — этой, положительно можно сказать, аномалии со времени последней преобразовательной реформы в духовных училищах — с заменой учителей семинаристов лицами с академическим образованием. Этот архаический порядок переоценки познаний воспитанников низших учебных заведений средними является теперь и у нас каким-то анахронизмом. Ни в одном из светских заведений нет такого взаимного недоверия между деятелями учебного ведомства, какое возможно и существует у нас. Посмотрите на поступление воспитанников и воспитанниц прогимназий мужской и женской в гимназии, обратите внимание даже на переход воспитанников гимназии в университет — везде полный кредит педагогическим деятелям низших учебных заведений со стороны высших; везде устранена эта аномалия, поселяющая рознь и вражду деятелей низших учебных заведений с высшими; только в духовно-учебных заведениях игнорируется это, только здесь возможна эта аномалия, только здесь во всей силе царит дух Фомы неверного, только у нас высшие инстанции учебного ведомства имеют возможность держать низшие в чёрном теле, имеют возможность вносить в светлое дело иногда тёмные счёты, возможность *кузмить* и гнуть, что называется, в бараний рог своего собрата.

И прежде экзамены эти плохо соответствовали своей цели, при настоящем же положении вещей никак не могут служить ей. Цель их — сделать более верную, более беспристрастную оценку познаний воспитанников духовных училищ, отделить умелыми руками пшеницу от плевел, чистые элементы от негодных примесей, произвести контроль над деятельностью наставников училища по всем предметам училищного курса, поближе ознакомиться с ведением ими учебного дела; показать то, что ими опущено было из виду, на что следует обратить преимущественное внимание, чего избегать, чтобы не тратить непроизводительно время, словом — имелось в виду руководить более слабых сильными — наставников семинаристов лицами с академическим образованием. Но то, что имело значение, имело цель и цену несколько лет тому назад, то с последнею реформою духовных училищ, при настоящем порядке замещений свободных семинарских кафедр и неудовлетворительности самой системы производства приёмных испытаний может иметь не только отрицательный характер, но и приносить положительный вред, парализовать правильный ход учебного дела в духовных училищах и семинариях.

Мы могли бы признать за этими экзаменами некоторую долю значения и в настоящее время, если бы они производились лицами вполне компетентными, специалистами того предмета, по которому они назначены ассистентами на экзаменах. На деле мы далеко не видим этого. Какую же цену могут иметь указания, советы, замечания их в глазах лиц, которые одного с ними бору ягоды? А в настоящую пору возможны уже и такие явления, что учителем училища

с. 2

из академистов командует товарищ его по академии или даже и младший его по времени окончания курса...

Нельзя отчасти не пожалеть и господ экзаменаторов, положение которых при теперешней постановке приёмных экзаменов бывает подчас трагикомическое. Это и понятно. В состав экзаменационной комиссии могут входить только члены семинарского правления, из учебного ли то персонала или от духовенства. Среди же членов семинарского правления часто не обретается ни преподавателя словесности, ни математики и приёмные испытания по предметам училищного курса, соприкасающимся с их специальностью, производятся преподавателями литургики, догматического богословия, священного писания, словом лицами, в круг преподавательской деятельности которых предметы эти не входят, для большинства которых они зачастую — terra incognita. И вот эти-то лица, эти строгие и непогрешимые ценители и судьи или во всё время экзамена *умненько* помалкивают, ставя хорошие отметки только тем, кто погромче да бойчей отвечает, или же вооружаются славянскими словариками и всякого рода учебниками и не церемонясь, с полною развязностью, ставят иногда такие возражения, которые только роняют их в глазах воспитанников училищ, путают и сбивают с толку последних и ставят подчас в неловкое положение тех и других. Приведём пример из времён *древних*. Нам известен был, например, такой экземпляр-экзаменатор, который и с первоисточником, господином Перевлесским под носом, не выдерживал критики. Злосчастный экзаменатор заставил воспитанника по старославянскому языку просклонять слова: «пророк и земля». Всё дело шло как по маслу при склонении первого слова: подмечены были и поставлены воспитаннику на вид уклонения от подлинника; сделано и надлежащее вразумление, что стыдно-де являться на экзамен в семинарию, не зная склонения таких слов, которые находятся в учебнике. Началось склонение другого слова и роли переменялись — коварный *юс* винительного падежа поставил строгого экзаменатора в положение того развязного доминиканца, который с краденой курицей в рукаве читал своему духовному сыну мораль за присвоение чужой собственности. — Наш экзаменатор, вероятно, и не подозревал о существовании двух носовых звуков в славянском языке, принял *юс* винительного падежа за русскую букву *я*, с гневом заметив воспитаннику: «вы опять врётё!» поправил его ответ, но последнего это исправление не убедило, и он показал своему непогрешимому судии его поэтическую вольность в чтении подлинника, открыл ему снова америку, и экзаменатор сложил коварную грамматику, «в себе дивясь бывшему». Мы не удивимся при вести о подобных фактах и во многих других местах на святой Руси; мы знаем, например, экзаменатора, инспектора одной семинарии, который, сознавая этимологию и синтаксис славянского языка делом выше своего ума, чувствует себя сильным и даёт знать себя воспитанникам в особой области: он выбирает из славянского лексикона непонятные слова, вроде: «онагри», «скимен», «левиафан» и тому подобные и по ответам на эти вопросы делает оценку ученических познаний по славянскому языку. Такими вещами легко, конечно, поставить в тупик любого воспитанника, не обнаруживши собственного невежества в славянском языке; но насколько осмысленно такого рода испытание — понять нетрудно. Удивительно ли при таком оригинальном способе производства приёмных экзаменов, если наставники словесности, математики и другие, не участвовавшие в экзаменационной комиссии, найдут в новоизбранном словесном стаде пёстрых овец Лавана. А между тем вся вина падает на учителей училища: на них сетуют, жалуются, их укоряют в неумелости, неспособности, в недобросовестном отношении к своему делу; им посылаются советы, указания, замечания в неудовлетворительности познаний воспитанников по тому или другому предмету училищного курса. Пишут, например, что на приёмных экзаменах воспитанники оказались настолько слабо подготовленными по славянскому языку, что не могут правильно просклонять слов «пророк и земля», находящихся в учебнике. И всё это, все эти советы, указания и замечания делаются в большинстве случаев не только несправедливо, но и не вовремя. Правления семинарии присылают их обыкновенно к концу учебного года, когда наставник не имеет возможности воспользоваться и дельными замечаниями. И вот снова, по вине семинарского же правления учебное дело в училище идёт по-прежнему, и воспитанники являются на приёмные экзамены с теми же недостатками, какие замечены были и прежде. Бывает, впрочем, иногда и так: наставник вовремя получил указания экзаменатора, принял к сведению, следовал им на своих уроках и вдруг на экзамен на место выбывшего экзаменатора назначается новый, с своими взглядами на преподавание известного предмета, с своими требованиями, часто диаметрально противоположными требованиями предшественника, и снова искупительными жертвами, козлами очищения являются несчастные воспитанники училища; снова они без счёта проваливаются на экзаменах, снова пишутся советы, замечания и указания наставникам училища.

Много неудобств и нестроений вследствие разного рода неправильностей, допускаемых на приёмных экзаменах; но и при правильной постановке приёмных экзаменов, при удачном составе экзаменационной комиссии дело мало выигрывает. И тут правильная оценка познаний ученика по одному экзамену едва ли возможна. Ведь и в этом случае лучшие и хорошо подготовленные воспитанники всегда и везде имеют много шансов провалиться на экзамене и не перейти чрез желанный рубикон. Причины эти мы разделяем на общие, присущие всем приёмным испытаниям в семинариях, и на частные, местные, тем не менее возможные при известных условиях везде и всюду. Первые вызываются частью теми условиями, в которые неизбежно поставлены бывают воспитанники училища на этих экзаменах, частью же неточностию и неопределённостью самых программ по тому или другому предмету училищного курса, на основании которых предъявляются требования желающим поступить в семинарию.

Большинство экзаменующихся в семинарии составляют воспитанники приезжие, которые учились вдали от семинарии и от губернского города, словом, где-нибудь в глуши, где, кроме училищной корпорации, едва ли и видали кого в стенах училища. Новая, более пышная обстановка семинарская, новые незнакомые лица, о которых они заранее наслушались всяких страхов, смущают их. Прибавьте к этому часто бессонную ночь, проведённую по приезде на шумном постоялом дворе, и на другой день предстояние пред семинарскими аргусами; примите во внимание и время ответа: ведь иное дело отвечать в начале экзамена и иное в конце. Всякому когда-нибудь экзаменовавшемуся памятно, вероятно, как рискованно отвечать в конце экзамена, когда от продолжительного сильного нервного возбуждения чувствуется упадок не только физических сил, но и упадок и притупление психических способностей, голова тяжелеет и рассудок почти отказывается соображать скоро; а между тем экзаменаторы под влиянием усталости же становятся часто нетерпеливыми, раздражительными, придирчивыми, особенно лица болезненные. Воспитанника засыпают вопросами, торопят; он сознаёт, что каждое невпадение сказанное им слово может сгубить его. Эта мысль как дамоклов меч висит над ним. Он волнуется, робеет, торопится, теряется и погибает. Всякий знакомый с программами по предметам училищного курса вполне согласится также, что они значительно содействуют увеличению контингента несчастных жертв экзаменационной пытки. Программы эти по некоторым предметам училищного курса отличаются неясностию, неточностию, неопределённостию, так что трудно по ним установить границы требований экзаменаторских, особенно это можно сказать о программе русского языка и географии. Загляните в первую, — чего, чего там не набито: тут не только помещена в полном объёме русская грамматика, но и часть словесности, и притом та, которая не особенно легко даётся при изучении её и воспитанникам первых классов семинарии. Таково, например, требование от воспитанника училища знания построения стихотворной речи и народных песен и тому подобное. И мы никак не можем поэтому положиться даже на лучшего воспитанника училища, чтобы он на все предложенные ему экзаменатором вопросы мог дать вполне обстоятельные ответы, как нельзя наставнику училища на основании этой же программы предвидеть всех могущих встретиться со стороны экзаменатора воспитанникам вопросов. При этом большое значение имеет самая формулировка экзаменатором вопросов: можно и о простых вещах вести мудрёную речь. Все термины, которые ученику четвёртого класса семинарии представляются вразумительными, для ученика IV-го класса училища кажутся тёмным лесом. Даже такие, по-видимому, обыкновенные слова, как «с сознанием» и «без сознания» являются для воспитанников училища не удобовразумительными. Нам известен такого рода факт: экзаменатор диктует воспитаннику на доске русские фразы; последний, нисколько не задумываясь, прямо перелагает их на латинский язык и совершенно правильно. Экзаменатор изумляется и спрашивает воспитанника: «с сознанием или без сознания вы написали?» Тот отвечает: «без сознания». «А почему употребили такой-то оборот речи, поставили слово в такой-то форме?» Воспитанник отвечает. «Так как же вы говорите, что написали без сознания?!» — замечает со смехом самодовольный экзаменатор.

Бывают случаи и покраше. Выходит на экзамен «первообразный» ученик училища. Ему дают самый простой вопрос, — молчит, дают другой, — тоже молчит, наконец при третьем уста его разверзаются, но ответ всё-таки даётся не на вопрос, — ученик, как говорится, несёт чепуху... Экзаменатор пожимает плечами и уже заносит руку, чтобы водрузить единицу или двойку, вдруг у экзаменующегося слёзы ручьями, он волнуется, говорит: «знаю, знаю» и начинает на все вопросы отвечать толково и с знанием дела. Отчего бы это? Очевидно, в первый момент ученик испугался и, как говорится, онемел, но вот от сильного по-трясения у него хлынули слёзы и всё забытое как бы вновь воскресло в его памяти.

Нельзя забывать и того, что знающий своё дело и хороший экзаменатор в академии и семинарии может своими вопросами только путать и сбивать с толку воспитанников училища. С последними нужно уметь вести беседу их языком: языком самым простым, ясным и точным, без всяких технических терминов, которыми многие любят пестрить и уснащать свою речь даже без особенной нужды, словом, нужно применяться к пониманию и возрасту воспитанников, что не всякому-то даётся. От этого-то и случается, что воспитанники училища на приёмных экзаменах становятся в тупик, и не дают ответа о самых простых вещах, коль скоро о них предложен мудрёный вопрос. Нечего уже и распространяться о том, что экзаменаторы при этом не принимают во внимание того, как ученик занимался в училище: аттестатам училища не даётся веры, что называется, ни на грош; на них они смотрят только как на документ для получения льготы при отправлении воинской повинности... От этого же происходит то, что наставники духовных училищ, наученные горьким опытом, не сомневаются в поступлении в семинарию только лишь тех воспитанников, которые имеют в числе своих экзаменаторов кого-нибудь из родственников. Спросите любого наставника училища или его учеников — эти живые летописи пересчитают вам немало подобных «светлых фактов» экзаменаторской беспристрастности. Вчуже становится больно за положение наставников училища, в котором они по злой иронии судьбы очутились за последнее время. В силу недавней училищной реформы права наставников училищ с академическим образованием уравниваются с правами наставников семинарии; благодаря этому в некоторых духовных училищах состав наставников почти совсем обновился. Так зачем же унижать их пред своими собратьями, зачем же давать первым возможность помыкать и издеваться над ними? Ведь наставники семинарии не из головы же Браны созданы, ведь они нисколько не лучше их ни по своему умственному цензу, ни по педагогической опытности. Такой порядок вещей может породить только рознь и вражду между деятелями этих учебных заведений, что едва ли ручается за успешный ход учебного дела в тех и других учебных заведениях...

Посмотрим теперь, с какого рода «случайностями» встречаются ученики училища на приёмных экзаменах.

с. 4 Много бед и горя приходится испытывать воспитанникам от таких экзаменаторов, для которых известный предмет или отдел из него составляют, как говорится, «конёк»; здесь уже забывается, что пред экзаменатором стоит не г. Буслаев, а воспитанник училища; экзамен теряется из виду и принимает форму диспута. Воспитаннику предлагаются самые мелкие частности из предмета, вменяются ему в вину самые незначительные промахи, и благодаря этой-то скрупулёзности, этому ожеживанию комаров, много воспитанников проваливаются на этих экзаменах, а ещё более назначается к переэкзаменовке. Нам привелось слышать о таком экзаменаторе, который, пробыв несколько лет при одной посольской церкви в Германии, по переходе на должность наставника одной из центральных семинарий сделался таким германофилом, до того на приёмных экзаменах стал равнодушен к билету о германском союзе, что чуть не требует знания каждого германского гражданина по имени. И вот уже в течение нескольких лет не было случая, чтобы воспитанник получил удовлетворительный балл, отвечая на этот роковой билет. Известен нам и такой экзаменатор из членов правления от духовенства, который некогда был инспектором духовного училища, преподавал в первом и втором классе этимологии русского языка и на экзамене поэтому бывает, что называется, сам не свой, когда воспитаннику приходится отвечать из первой части русской грамматики: тут наш экзаменатор старается показать себя, свирепствует и душит воспитанников суффиксами, требуя от последних знания их, что называется, «к зубу»; как будто бы незнание суффиксов *ор*, *ир*, *ух*, *ун* и так далее составляет такой пробел в познаниях воспитанника, что невозможно и шагу сделать без них.

Немалую роль играют иногда на экзаменах приязнь, родственные связи, симпатия к тому или другому наставнику училища или же нерасположение к ним по каким-либо давнишним личным счетам. В одном и том же училище есть предметы, которым по пословице «сам Бог покровительствует» — по которым экзаменаторы «мирволят ученикам» или ради родства и дружбы с наставником училища, или же по своему характеру... Отсюда-то и происходит обычное явление, что наставник известного предмета вечно аттестуется образцовым; предмет его из году в год стоит в ряду других по успехам первым, тогда как сослуживец его, человек дельный и добросовестно относящийся к своим обязанностям, хорошо рекомендованный даже членами ревизорами учебного комитета, благодаря какому-нибудь придирчивому экзаменатору попадает в разряд слабо ведущих и мало способных наставников и на него обрушивается масса всевозможных неприятностей; смотритель училища при всяком удобном случае даёт ему

это чувствовать, преосвященный выражает своё неблаговоление к нему, духовенство ропщет и порицает его, и в результате этой вопиющей несправедливости является рознь и враждебные отношения между членами самой училищной корпорации. Нам были известны наставники семинарий — экзаменаторы, которые своею свирепостию на приёмных экзаменах до того сделались популярны, что стали известны за пределами даже своей губернии, стяжав себе нелестные прозвания «султанов», «людоедов» и так далее. Дело доходило в былые времена до того, что из 30—40 державших экзамен училищных воспитанников удостоивали приёма *одного!*..

Говоря о приёмных экзаменах, не можем не упомянуть ещё об одном факторе, имеющем нередко влияние на несчастный исход экзаменов для многих воспитанников — сюда мы относим свои собственные, домашние, специальные экономические соображения экзаменаторов, — опасение, чтобы поступление лишних против нормы воспитанников не повлияло на изменение экономического положения их, на материальное их благосостояние, на уменьшение годового бюджета с потерю лишних сторонних хлебных уроков или же дополнительных уроков сверх нормы 12-ти в самой семинарии. С такого рода печальным явлением встречаемся мы, по сообщённым нам известиям, в одной из южных семинарий. Наставники этой семинарии в большинстве своём имеют уроки в светских учебных заведениях, где поурочная плата очень высокая, особенно в старшем классе женской гимназии. Службою в этих учебных заведениях наставники семинарии настолько дорожат, что бывают такого рода оказии: наставники, значащиеся в семинарии больными, исправно в то же время посещают уроки в светских учебных заведениях. Это же нежелание расстаться с хлебными уроками имеет большое влияние на ход приёмных экзаменов в семинарии. Дело в том, что на приёмные испытания стекается сюда ежегодно масса воспитанников духовных училищ, так что чувствуется настоятельная потребность открыть третье параллельное отделение. Духовенство уже не раз поднимало этот насущный вопрос на своих съездах, готово дать на это доброе и полезное дело и свои средства, но этому доброму почину со стороны духовенства не сочувствует корпорация семинарии, и не без основания. — Одна часть наставников опасается с прибавлением лишних уроков в семинарии потерять уроки в других учебных заведениях, другая — боится расстаться с добавочными уроками в самой семинарии, так как новый параллельный класс вызывает необходимость по некоторым предметам семинарского курса (математике и языкам) увеличить штат наставников, с которыми первые должны будут поделить лишние уроки или же совсем уступить их. Общность интереса объединяет тех и других и заставляет дружно ополчаться против грозившей опасности. И вот на экзамене начинаются репрессалии: наставники семинарии настолько тонко и ловко умеют, по меткому техническому выражению воспитанников, *щавлить* экзаменующихся, что после приёмных испытаний не только не представляется возможности открыть третье параллельное отделение, но хоть закрывай и существующие. А ведь подобные факты практиковались, по крайней мере в былое время, и в других местах святой Руси!

Что замечено нами об устных приёмных экзаменах, то же можно сказать и о письменных испытаниях, и здесь также царит иногда произвол экзаменаторов во всей силе, и здесь иные экзаменаторы, вопреки даже требованию программы и объяснительной записки учебного комитета, предъявляют экзаменующимся самые широкие требования, хотят весь труд этот положительно навьючить на плечи наставников училища. Воспитанникам училища часто предлагают совсем непосильные требования, желают, например, чтобы они умели по русскому языку не только ясно и правильно излагать свои мысли, но и давали бы вполне удовлетворительные ответы на такие вопросы, решение которых по силам только воспитанникам старших классов семинарии. Забывается при этом, что экзаменуются не окончившие курс семинарии, а почти дети, рефлексивная деятельность которых ещё не окрепла, что темы для них нужно давать попроще, покороче, что следует избегать отвлечённых тем, на которые приходится отвечать воспитанникам соображениями из собственной головы, помимо наблюдения, чтения и разбора подходящего материала, помимо того, подробный материал чего разъяснён был и подготовлен ранее. К сожалению, всё это нередко игнорируется наставниками словесности. Так, например, прошлым годом, как нас извещали, в одной из семинарий дана была такого рода во всех отношениях странная тема для экзаменационного сочинения: «какие лица священной истории Ветхого Завета более всего мне нравятся?» — Не диво, что все стали в тупик... А ведь такие темы, противные всем требованиям педагогики и опыта, — не исключение...

При настоящем порядке поступления воспитанников училища в семинарию — при полном недоверии к училищным аттестатам, при оценке воспитанников по одному только ответу на приёмном экзамене, при оценке, зависящей часто от многих совершенно случайных причин, может парализоваться и правильный ход учебного дела в духовных училищах. Воспитанники

с. 2
с. 3

училища и их родители смотрят на эти экзамены, как на дело слепого случая, как на лотерею. На экзамены эти, как на партизанскую войну, отправляются все — и хорошие и малоуспешные воспитанники, которым полезнее было бы пробыть ещё год в училище, чтобы пополнить пробелы познаний по тому или другому предмету училищного курса, несколько умственно окрепнуть и потом уже безостановочно продолжать своё образование. Нечего при этом и говорить, что воспитанники и их родители не внемлют и добрым советам даже опытных наставников училища, нимало не думая о том, что поступление в семинарию может ограничиться одногодичным пребыванием там воспитанника. Ведь там, нисколько не стесняясь, выключают их с тем, чтобы в следующие приёмные экзамены набрать таким же порядком новые жертвы на заклятие. Такое, по-видимому, легкомысленное отношение воспитанников и их родителей к делу при настоящем порядке вещей очень естественно. — Положение тех и других самое безвыходное: они находятся, что называется, между двух огней, и вот они пытаются из двух зол выбрать меньшее. Ведь ни отец, ни сын, ни сам наставник, подавший добрый совет, никто из них не уверен, благополучно ли пройдёт дело, поступит ли в семинарию воспитанник после двухгодичного пребывания и усердного занятия в IV классе училища. Печальных примеров у них много пред глазами; ведь много и хороших учеников, благодаря этим приёмным экзаменам, сидят на печи у отцов. Нам передавали, например, о следующем печальном факте, бывшем на приёмных экзаменах в одной из центральных семинарий. — Сын бедного сельского диакона окончил курс в духовном училище по первому разряду и на приёмном экзамене провалился по русскому языку. Отец собрал последние крохи, свёл со двора последнюю кормилицу-корову и поручил за плату своего сына на руки самому наставнику русского языка, человеку понимающему своё дело и добросовестному, чтобы он занимался с его сыном отдельно. Год этот, по-видимому, не пропал даром, — воспитанник занял по достоинству второе место в списке, и каков же был удар для отца, когда тот же экзаменатор снова провалил его!.. Такие факты не редкость при теперешнем порядке вещей, но они отошли бы в область преданий с отменой нынешних приёмных экзаменов. Устранился бы и тот индифферентизм, который обнаруживается часто в воспитанниках четвёртого класса училища к учебному делу; кончилось бы их упование на «авось», на дело случая, на счастье, на слепую судьбу; восстановлено было бы снова уважение к баллам наставников училища, которым часто теперь воспитанники IV класса вместе с экзаменаторами не придают никакого значения.

Не станем уже говорить подробно о том, с какими расходами, с какими не только обременительными, но и разорительными издержками соединено это ежегодное, часто напрасное путешествие «отцов и детей» за сто и более вёрст на приёмные экзамены. Не отрадная картина этого понятна и не одному изголодавшемуся, всё выносящему бедному сельскому духовенству... Пора снять это тяжёлое иго с несчастного духовенства, пора избавить и детей от ежегодной тяжёлой тревоги, панического страха и всех случайностей пятиминутной оценки нелёгкого пятилетнего труда их; пора облегчить и нелёгкую и незавидную долю наставников училища, пора и на них взглянуть как на людей, могущих делать своё дело самостоятельно и честно и без теперешних своих приставников.